удивлялись благородной простоте и прелести, с которой написаны эти статьи». «Высочайший автор оказал свое всемилостивейшее удовольствие изданием и соизволил прислать мне в рукописи перевод всего сочинения». Николаи заявляет дальше об особой ценности этой рукописи для него: она снабжена собственноручной надписью императрицы.

Во втором томе «Библиотеки» помещены следующие сочинения: 1) «Гражданское начальное учение»; 2) «Записки касательно российской истории»; 3) «Выборные российские пословицы»; 4) «Сказка о царевиче Февее».

Следующие тома «Библиотеки» (насколько я могу судить по доступным мне первым пяти томам) целиком отведены для «Записок касательно российской истории» («Aufsätze betreffend die russische Geschichte»).

* * *

Отдельной книжкой вышли переводы некоторых стихотворений Г. Р. Державина в Лейпциге в 1793 г. Переводчиком их был не кто иной, как Аугуст фон Коцебу, автор пьес, в то время имевших шумный успех (например, «Ненависть к людям и раскаяние»).

Характерно указание в заглавии, что Державин — «статский советник». Подпись под титульной гравюрой (по рисунку Боровиковского) гласит: «Гаврил Державин. Государственный муж, Поэт и Человек». В переводах Сумарокова тоже были перечислены все его чины, вместе с тем указано и то, что он состоял членом «Общества свободных искусств» в Лейпциге.

Коцебу предпослал своему переводу одиннадцати стихотворений Державина стихотворное же послание-посвящение собственного сочинения «К любезным княжнам Баденским». Оно насквозь благонамеренно и начинается с выпадов против мятежной Польши: «Близко границ Ваших Цветет злое, ядовитое растение. Имя ему междоусобие и мятеж».

В третьей строфе говорится, что песни Державина «возникли, Где героиня на престоле, Наша мать, ваша мать, Каждую снегом покрытую ель Превращает в лавровое дерево». По мнению Коцебу, каждый русский думает так же.

В предисловии («Vorbericht») Коцебу заявляет, что он думает сделать подарок публике своими переводами, потому что немцы не знакомы с русской литературой. Державина он величает «русским Клопштоком» и потому считает, что его сочинения трудны для восприятия иностранца. Переводчик полагает, что он в состоянии доказать немцам, каких успехов в поэзии достигли русские. Он при этом сознается, однако, что рифмованный перевод «Изображения Фелицы» ему не совсем удался и что он поэтому перевел все остальное белыми разностопными стихами, «не потеряв ни одной мысли поэта». В последних строках своего предисловия Коцебу сообщает, что русская муза близка к «восточ-